

+	-
Этот тенор никуда не годится.	Когда репетиция, наконец, закончилась.
Его голос сырой, непоставленный. Позанимаюсь с ним немного.	Эгон, дорогой, куда подевался твой прирождённый талант?
Поверь, мне хватит ума обучить его бельканто.	Отсутствует напрочь. Я же венец.
А заминки во вступлении, отсутствие нюансов? Как с этим быть?	Джорджа Альвадоро
Мне казалось, это по твоей части.	Каплю терпения, Эгон.
Что с того? Приятелю медведь на ухо наступил, он даже не держит темп.	– А смысл?
Ну же, пойдём! Всего одну репетицию! Дадим ему возможность рассердиться.	Во-первых, контракт. Во-вторых, кажется, что к концу репетиции у Ричарда стало получаться чуточку лучше.
Ни за что. Ни за какие коврижки.	Лучше не значит хорошо. съязвила Полина.
Я мог не любить топорное дирижирование Эгона, но мне нравился его витиеватый юмор. Я повторил, что нам все же придется дать бедолаге последнюю возможность, в чем Эгон не был уверен. Вдобавок Полина, которая внимательно следила за каждым нашим словом, принялась воспевать своего партнера по прошлой «Мадам Баттерфляй» в Брюсселе Хорхе	И что нам делать? – спросила Полина.

Альвадору. Молодого, горячего мексиканца, которому не было и тридцати, ростом метр восемьдесят и голосом, точно ласковое неаполитанское солнце.	
Еще хоть одна подобная и мы уходим. – пригрозила Полина.	Что, если нам в ближайшие дни сосредоточиться я на II-м акте? Тенор там не нужен. Я между тем поднатаскаю Ричарда. Кто знает, может, произойдет чудо?
Мы не подписывались на вечер художественной самодеятельности. Не думала, что придется вылезать из кожи вон, только ради того, чтобы подладить к какому-то продавцу обуви.	Я смог добиться, чтобы Ричард пел в маску. Он научился разворачиваться к залу таким образом, чтобы зрителю казалось, будто он обращается и к партнеру и ему одновременно.
Автомобилей, если быть точнее. Он продает авто.	
Еще не лучше! Он отравляет воздух! – подхватил Эгон. – Ему точно не место в опере!	
Каплю терпения, Эгон.	
А смысл?	
Ох, этот идиот Дженнингс ничего не смыслит! – Эгон был прав.	
Если ты и правда так считаешь, тебе следует сейчас же поговорить с руководством, пока не поздно!	

<p>Роджер Дженнингс был назначен директором «Калгари Опера» благодаря тому, что помог местной компании, занимающейся хранением зерна, получить прибыль. Совет попечителей в своей бесконечной мудрости свято верил, что Дженнингсу удастся сделать то же самое для театра. Надежды вскоре рухнули, а совет накрепко влип, поставив у руля узколобого руководителя.</p>	
<p>Боюсь, как бы не вышло, что, узнав обо всем, Дженнингс подсунет нам кого-то похлеще. – продолжил Эгон.</p>	
<p>– Увы и ах.</p>	
<p>А, возможно, и нет. – усомнилась Полина.</p>	
<p>Я с ужасом ждал начала репетиций с Ричардом. Как, черт возьми, я собирался превратить зрелого мужика в хотя бы отдаленное подобие героя-любовника у Пуччини?</p>	
<p>Ричард упрявился по любому поводу, не потому что он был самоуверен или чертовски умен, а потому что за его плечами совсем не было опыта. Ему удавались вокальные партии, но он и понятия не имел о том, как нужно себя вести на сцене. Актерское мастерство, каким бы элементарным оно ни казалось обывателю, – это сложный, хрупкий организм. Ему</p>	

<p>невозможно запросто научиться. Я пытался объяснить Ричарду, что, играя, актеру достаточно быть естественным, раствориться в пьесе, но это было выше его сил. Он продолжал фальшивить. Я изнывал, мучительно жаждал хотя бы намека на настоящую, живую игру. Увы, совершенно напрасно.</p>	
<p>Мое отчаяние сменилось слабым проблеском надежды. Ричард довольно хорошо усвоил уроки. Он привык следовать простым, четким указаниям, вроде «жизнеподобное поведение, внушающее доверие», как только они перестали для него быть чем-то туманным... В своих движениях он даже перестал походить на заводную куклу.</p>	
<p>Спустя три дня ценой невероятных усилий Ричард недурно смотрелся на сцене. Но стал ли он страстным молодым любовником Пинкертоном? Был ли убедителен в своей роли? Едва ли.</p>	